

Емельяненко Владимир Дмитриевич

МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ТВОРЧЕСТВО ФИЛОСОФА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ В. С. СОЛОВЬЁВА С С. П. ХИТРОВО И С. А. ТОЛСТОЙ, ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В КРАСНОМ РОГЕ)

В статье на примере творчества В. С. Соловьёва раскрывается взаимосвязь мировоззрения, философского творчества и структур повседневности. Показано, что мировоззрение является исходным пунктом как в определении направления творческой самореализации мыслителя, так и в выборе стратегии его поведения в повседневной жизни. Вместе с тем структуры повседневности (межличностные отношения, место проживания) влияют на творчество мыслителя опосредованно, через изменения в его мировоззрении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 79-84. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Марру А.-И. История воспитания в античности. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. 413 с.
6. Мочалова И. Н. Метафизика Ранней Академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля // АKADEMEIA: материалы и исследования по истории платонизма: межвузовский сборник / под ред. Р. В. Светлова и А. В. Цыба. СПб., 2000. Вып. 3. С. 235-290.
7. Платон. Государство // Платон. Сочинения: в 3-х т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. С. 89-459.
8. Платон. Менон // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 575-613.

EDUCATIONAL PARADIGMS OF ISOCRATES'S SCHOOL AND PLATO'S ACADEMY

Andrei Vladimirovich Dushin, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Social-Classical and Natural-Science Disciplines
Institute of Entrepreneurial Economics in Moscow
pror_inep@mail.ru

The author reveals the content of the educational programs of the most influential pedagogical institutions of antiquity – Isocrates's school and Plato's academy, pays particular attention to the study of mathematical quadrivium in Plato's educational program as contributing to the formation of students' thinking for understanding the essence of objects, shows that despite essential contradictions and rivalry the studied institutions have not only common roots, but also interpenetration and similar tasks, and mentions the influence of these schools on the formation of classical education tradition.

Key words and phrases: education; upbringing; oratorical skill; mathematical sciences; dialectics; philosophy; thinking.

УДК 140.8

Философские науки

В статье на примере творчества В. С. Соловьёва раскрывается взаимосвязь мировоззрения, философского творчества и структур повседневности. Показано, что мировоззрение является исходным пунктом как в определении направления творческой самореализации мыслителя, так и в выборе стратегии его поведения в повседневной жизни. Вместе с тем структуры повседневности (межличностные отношения, место проживания) влияют на творчество мыслителя опосредованно, через изменения в его мировоззрении.

Ключевые слова и фразы: мировоззрение; духовно-теоретическая активность; философское мировоззрение; философское мировоззрение В. С. Соловьёва; теория «Небесной Софии»; мистицизм.

Владимир Дмитриевич Емельяненко, канд. филос. наук, доцент
Кафедра философии
Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского
emelyanenko_@mail.ru

МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ТВОРЧЕСТВО ФИЛОСОФА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ В. С. СОЛОВЬЁВА С С. П. ХИТРОВО И С. А. ТОЛСТОЙ, ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В КРАСНОМ РОГЕ)©

Мировоззрение – это система наиболее важных знаний, убеждений, идеалов и принципов человека, отвечающая на наиболее важные жизненные вопросы, выражающая его отношение к миру и самому себе, определяющая приоритеты в его деятельности. Для философа мировоззрение играет особенно важную роль, так как именно он проводит теоретический анализ мировоззренческих вопросов и призван дать на них людям определённые ответы. В начале жизни система духовных ценностей философа формируется в виде мировоззрения как такового и лишь затем в процессе развития проявляет себя в качестве философского мировоззрения. Поэтому особенности становления и развития мировоззрения мыслителя в дальнейшем во многом определяют направленность и содержание его творчества. В мировоззренческих принципах философа обычно более значительную роль играет направленность на мир духа, чем на материальное бытие, поскольку предметом его профессиональной деятельности являются духовные феномены. Мировоззрение обеспечивает целостность личности в потоке времени, позволяя человеку оставаться самим собой, связывая его прошлое, настоящее и будущее. Трансформируется мировоззрение в результате работы над собой – получения знаний, создания нового, самовоспитания. Обычно в нём происходят постепенные изменения при накоплении новой информации. Однако может произойти и духовный прорыв, когда у человека довольно резко меняются жизненные принципы. Духовные перевороты случаются и в силу внешних обстоятельств, важных событий в личной или общественной жизни (встреча с авторитетной личностью, «пограничные ситуации», сильные переживания).

В мировоззрении философов также имеются и духовные перевороты, и медленные изменения. Мировоззрение В. С. Соловьёва отличалось богатством и оригинальностью содержания, а также сильным акцентом на принципах духовно-теоретической активности личности. Внимание к философским проблемам было

у него настолько большим, что отодвигало на «второй план» пребывание в повседневной объективной реальности. Даже из философов немногие имели такую мировоззренческую направленность, и им было безразлично собственное материальное бытие лишь потому, что оно давало им возможность творить в мире духа. К их числу обычно относят Сократа, Г. С. Сковороду, И. Канта, хотя и эти мыслители шли на какие-то «уступки реальности». Так, Сократ имел детей и терпел сварливую жену, а И. Кант стал профессором, чтобы получить свободу в своей критике.

Характер мировоззрения В. С. Соловьёва во многом определила культурная среда, в которой он рос. Его отец – выдающийся историк С. М. Соловьёв. Набожная мать, Поликсена Владимировна, воспитывала многочисленных детей; в доме исполнялись обряды, читались жития святых. Дедушка, Михаил Васильевич, незадолго до своей смерти ввел восьмилетнего Соловьёва в алтарь и перед престолом благословил на служение церкви. В. С. Соловьёв всегда помнил, что его прадедом по материнской линии является Г. С. Сковорода. В 11 лет Соловьёв поступил в Московскую гимназию № 5, а в 16 лет – в Московский университет. Уже в детстве, закаляя волю, спал в холодной комнате без одеяла, рано задумывался над мировоззренческими вопросами. В 14 лет перестал ходить в церковь и даже вынес из своей комнаты иконы. Сергей Михайлович ничего не стал навязывать сыну, хотя и резко осудил его поступок. Впоследствии философ отмечал, что с 14 до 18 лет прошёл «разные фазы теоретического и практического отрицания», мучительно «борясь за оправдание веры» [11, с. 248]. Преодоление мировоззренческого кризиса и возврат к вере определили развитие мыслителя как философа-идеалиста.

В 20 лет В. С. Соловьёв определился с главным жизненным занятием, развиваясь как сильная и одарённая личность-философ. Его устремления были направлены на сферу духовной активности. Однако становление мировоззрения мыслителя как личности, пребывающей в обыденном мире, протекало своеобразно. По-видимому, сказался его очень ранний интерес к духовно-теоретической деятельности при отсутствии необходимости непосредственно заботиться о материальных проблемах. В результате и в дальнейшем В. С. Соловьёв не особенно обращал внимание на внешние обстоятельства, что во многом определило его жизненный путь. Философ высоко ценил свободу, дающую возможность творить, где и когда он сам захочет. По сути дела, мыслитель отказался от карьеры ради духовного самовыражения. Служба в Учёном комитете при Министерстве народного просвещения была оставлена, а его заседания Соловьёв охарактеризовал как «скуку смертную и глупость неисчерпаемую» [12, т. II, с. 235]. Философ прервал и преподавательскую деятельность, которая давала определённую материальную обеспеченность, но требовала подчинения распорядку.

Будучи глубоким мыслителем, в жизни философ строил фантастические проекты (без денег отправлялся в дальнюю поездку или без документов на войну). Он был явно «не от мира сего»: одевался обычно во что попало, не придавая этому никакого значения, а также по рассеянности и забывчивости (видимо, его занимали другие мысли). Например, мог в красном одеяле, которым укрывался ночью, выйти на улицу. В. С. Соловьёв нередко трудился, не вставая из-за стола 6-7 часов, потом спал 2 часа и, проснувшись в 3 часа ночи, продолжал работать, часто забывая принимать пищу. А. Ф. Лосев писал о нём как о страннике и бродяге, «у которого нет ни кола, ни двора» [4, с. 101]. Обычно философ жил у друзей или в гостиницах. Е. Н. Трубецкой отмечал его близорукость «относительно житейского» [16, с. 101]. В. С. Соловьёва отличала явная безалаберность: он не заботился о будущем, не умел считать деньги, и если они появлялись, то очень быстро раздавал их друзьям в долг (или просто нищим). Думается, что дело не столько в житейской «близорукости» В. С. Соловьёва, сколько в его желании заниматься любимым делом, игнорируя «мелочи» согласно его ценностным приоритетам. Конечно, повседневность влияла на философа, хотя он сопротивлялся ей с помощью друзей, понимавших одновременно и его гениальность, и неприспособленность к обычной жизни.

Философ вырос в многодетной, образцовой для XIX века семье (муж – глава, жена – тихая покорная женщина). Это повлияло на мировоззрение, образцы поведения, ценностные ориентиры. Отсюда искреннее стремление В. С. Соловьёва вступить в брак, неоднократные предложения. Однако брак так и не состоялся. В силу указанных особенностей личности он не принял в качестве образца отношения в браке своих родителей. Рано сформировавшийся и превалирующий в его мировоззрении духовно-теоретический аспект сознательно или бессознательно определил формирование в качестве идеала спутницы жизни развитую личность, а не просто понравившуюся женщину, в общении с которой он мог бы проявить себя как мыслитель.

Вместе с тем В. С. Соловьёв не являлся носителем «ходячего разума». Его отличали весёлый нрав, шутливость и пристрастие к анекдотам, шуточным произведениям. В. С. Соловьёв заразительно смеялся, с удовольствием сочинял стихи и играл в шахматы. Важнейшее место в его жизни занимала любовь. Но это была любовь особенная, имеющая не только естественно-эмоциональный характер, но и мировоззренческие, даже философские основания. В поэме «Три свидания» мыслитель пишет о трёх встречах с Небесной Софией в виде «образа женской красоты» (за «воскресной обедней» в 1862 г., в Британском Музее в 1875 г. и в пустыне близ Каира в 1876 г.) [10, с. 119]. Эти мистические встречи определили содержание учения философа о вечной женственности и Софии. Но эти же встречи во многом обусловили характер и направленность той земной любви, которую пытался обрести в реальной жизни мыслитель.

Ценностно-мировоззренческие ориентиры В. С. Соловьёва определяли его стремление иметь необычную для XIX века семью. Патриархальный брак, бытовые заботы отняли бы много времени в ущерб философии. Сознательно или неосознанно это определяло отношения В. С. Соловьёва с женщинами. Известно, что мыслитель пытался увлечь философией Екатерину Романову, которой делал предложение. Он писал

ей, что «личные и семейные отношения всегда будут занимать второстепенное место в моём существовании», «я не принадлежу себе, а тому делу, которому буду служить» [12, т. III, с. 81]. Делая предложение Елизавете Поливановой, философ заявил, что главным в его жизни должна быть не семья, а философия, и предлагал вместе её изучать.

После возвращения в 1877 году из-за границы В. С. Соловьёв приступил к обоснованию собственной развёрнутой философской системы. Целый ряд жизненных обстоятельств оказал в это время воздействие на развитие его философского мировоззрения. В частности, отмечается духовная перемена, случившаяся с В. С. Соловьёвым после объявления войны Турции. В публичной лекции «Три силы» мыслитель полагает, что Россия должна сыграть мессианскую роль третьей силы как «высшего религиозного синтеза начал Запада и Востока» [13, с. 27-31]. Философ даже отправился на войну, но вскоре вернулся, не доехав до театра военных действий, и можно полагать, что его постигло некое разочарование. Видимо, именно оно привело к сдвигу в его творчестве от социальных проблем к метафизике и мистике. Следует отметить и влияние на творчество мыслителя его дружбы с Ф. М. Достоевским [5, с. 667].

На формирование философского мировоззрения В. С. Соловьёва влияла и интеллектуальная атмосфера литературных салонов. Здесь он познакомился с вдовой А. К. Толстого Софьей Андреевной и её племянницей Софьей Петровной Хитрово. Н. Н. Страхов писал, что это были «большие охотницы до философии», много читающие и посещающие Публичную библиотеку [15, с. 143]. По замечанию Ф. М. Достоевского, Софья Андреевна отличалась проницательным умом, «острым как сталь» [1, с. 267]. Племянник мыслителя, С. М. Соловьёв, впоследствии писал, что философ попал под сильное влияние графини С. А. Толстой. Он относился к Софье Андреевне с обожанием, смотрел на неё снизу вверх. Графиня, по-видимому, «держала молодого философа довольно строго» [14, с. 87]. Софья Андреевна читала на всех европейских языках, помогала В. С. Соловьёву изучать итальянский язык, знала интересные статьи, выходящие в Европе. Она была глубоко религиозной и мистически одарённой натурой [5, с. 698]. О сильной духовной привязанности к Софье Андреевне говорят письма 1877 года: «Если бы только всегда знать, что с Вами, и не выдумывать по ночам разные всевозможные ужасы...». Философ делится с графиней мыслями о мистической литературе и Софии: «У мистиков много подтверждений моих собственных идей, но никакого нового света... Я думаю, София возилась с ними больше за их невинность, чем за что-нибудь другое» [12, т. II, с. 200]. В. С. Соловьёва и С. А. Толстую сближали мистические настроения и спиритизм. Философ обладал медиумическими способностями и видел в Софье Андреевне «магического посредника».

Будучи холостым, философ постоянно надеялся на создание семьи. Вместе с тем, как признавался Соловьёв в письме к своему брату Михаилу (1883 г.), он чувствовал себя «одиноким среди светского шума». Одиночество приводило мыслителя к осознанному или неосознанному стремлению к некоей замене. Такой заменой служили близкие друзья и любимые люди. Кроме того, философа отличала беспоконная влюбчивость [17, с. 124]. Это была особенность его личности, он не мог не быть увлечённым! По мнению К. Е. Ельцовой, любовь захватывала всю душу Соловьёва, доставляя ему наибольшие страдания. Она была несчастью, так как «любил он женщин властных, привлекательных, подчинявших себе, при том сложных...» [2, с. 247].

Общение с Софьей Хитрово и С. А. Толстой оказалось интересным, межличностным, а не светским, его характер соответствовал интересам и ценностно-мировоззренческим установкам философа. По свидетельству К. В. Мочульского, Софья Хитрово разошлась с мужем, но официально не была в разводе [5, с. 643]. Биографы называют привязанность философа к Софье Хитрово «любовью всей его жизни» [2, с. 247; 5, с. 644; 14, с. 7]. В. С. Соловьёв был на пять лет моложе Софьи, которая была привлекательной, образованной, умной и разбиралась в теоретических построениях мыслителя. Учитывая сильные чувства к ней философа, Софья оказывала на безалаберного в обыденной жизни Соловьёва огромное личностное влияние. Французский критик Вогиюз, гостивший в Красном Роге (Брянский уезд), назвал С. П. Хитрово «Туранской Эвой» [6, с. 123]. В. С. Соловьёв образно выразил своё отношение к ней как «иконопочитание» [5, с. 647]. Софье он доверял свои творческие замыслы, планы и проблемы. О глубокой привязанности В. С. Соловьёва к С. П. Хитрово говорит то, что по настоянию мыслителя их переписка не была опубликована. Любовное увлечение философа, его дружба с Софьей Хитрово продолжалась более 10 лет – с 1877 по 1887 год. Это самая важная привязанность всей его жизни, особенно учитывая, что и дальше философ сохранял с ней тёплые отношения. Печальные стихи 1887 года свидетельствуют о расставании: «Безрадостной любви развязка роковая» (1 января), «Друг мой! Прежде, как и ныне...» (3 апреля), «Бедный друг, истомил тебя путь». Видимо, под влиянием разрыва здоровье В. С. Соловьёва стало заметно ухудшаться, он начал страдать хронической бессонницей. В 1896 году у С. П. Хитрово умер муж, и В. С. Соловьёв опять сделал ей предложение, но она отказалась, заметив, что вскоре станет бабушкой. Соловьёв и в последние годы жизни сохранил к ней тёплые чувства и часто общался, даже незадолго перед смертью в 1900 г. был в Пустыньке (Петербургская губерния).

В медиумических записях Соловьёва «корреспондентом» выступает, как правило, именно Софья Хитрово. В этих записях часто невозможно разделить образ «Небесной возлюбленной» и реальной земной женщины. По-видимому, в указанных текстах в образе Софии упоминается тоже она, поскольку там же есть имя сына С. П. Хитрово – Рюрика [17, с. 125]. В «автоматических записях» В. С. Соловьёва, расшифрованных Г. И. Чулковым, мы находим: «Ну же мой милый теперь я свободна, все уехали и я себе принадлежу а Рюрик у меня болел послала за (неразборчиво) и очень встала рано...» [Там же, с. 127]. Некоторые мистически настроенные исследователи изучают связь В. С. Соловьёва с инфернальным миром, его общение с Небесной

Софией, когда при «автоматическом письме» она двигала рукою философа. Но и они признают, что «нет никаких оснований отрицать влияние земной страсти Соловьёва на его спиритические эксперименты, и его призывы Софии, как и взаимная страсть небесной девы, могут и должны быть субъективно окрашенными...» [3, с. 117].

Будем исходить из более реалистичного объяснения. В «автоматических записях» проявились реальные взаимоотношения мужчины и женщины, окрашенные мистическими переживаниями. Сверхъестественный мир у В. С. Соловьёва выступил как отражение мира земного. Характерно, что философ увлекался теми земными возлюбленными, «в которых ему мерещились воплощения вечно женственной красоты» [17, с. 128]. К тому же именно те женщины, с которыми Соловьёва соединяли наиболее длительные и серьёзные отношения, носили имя София (после разлада с С. П. Хитрово это была С. М. Мартынова). Можно сказать, философ искал божественную Софию на Земле, однако пережил разочарование. Кстати, имевшую на философа большое влияние графиню Толстую тоже звали Софией. Философские построения В. С. Соловьёва – это не только рациональные схемы, но и символические отражения его мистического опыта. Однако и этот опыт философа не являлся «чистым», так как он складывался под влиянием событий его реальной жизни.

В. С. Соловьёв в течение долгого времени питал особую привязанность к именам С. А. Толстой и С. П. Хитрово (Красному Рогу и Пустыньке). По подсчётам брянского краеведа В. С. Пасина, мыслитель приезжал в Красный Рог не менее пяти раз. В 1877 году он был проездом на несколько дней, в 1879 году гостил не менее 2 месяцев, а в 1881 году жил целое лето. Посещение 1883 года растянулось с мая до поздней осени, продолжительность же его проживания в имении в 1890 году неизвестна [7]. Согласно этим данным, В. С. Соловьёв находился в Красном Роге не менее года (или несколько больше). Правда, С. М. Соловьёв писал, что «начиная с 1877 года, Соловьёв каждое лето ездил в имение Толстых Красный Рог» [14, с. 79]. В этом случае примерно за 10 лет тесных отношений с семьёй Толстых – Хитрово философ прожил в Красном Роге заметно дольше года. Кроме того, посещая литературный салон С. П. Хитрово в Москве, живя с небольшими перерывами почти четыре года в петербургской квартире графини С. А. Толстой, часто бывая в имении Пустыньке, мыслитель наверняка вспоминал о приятной эмоциональной атмосфере, царившей в Красном Роге. В имении философу нравилась тихая, спокойная и размеренная жизнь, уединение «вдали от шума городского», отсутствие необходимости заботиться о бытовых проблемах. Конечно, главным мотивом для приездов В. С. Соловьёва в Красный Рог были встречи с С. П. Хитрово и С. А. Толстой. Мыслитель вдохновлялся общением с умными женщинами, читал «двум Софьям» свои труды (в том числе и с интересом воспринятую поэму «Три свидания»). Кроме того, Красный Рог был местом сбора творческой интеллигенции, и здесь обычно царила особая интеллектуальная атмосфера, очевидно, привлекавшая В. С. Соловьёва. Умиротворяющим для В. С. Соловьёва было общение и с простыми обитателями поместья, бесхитростными и близкими к народной жизни людьми. Здесь он отдыхал душой «вдали от суетных тревог». В судьбе мыслителя Красный Рог явился чем-то наподобие Болдина для А. С. Пушкина. Наконец, в Красном Роге была прекрасная природа. Поэтому какое-то время философ просто отдыхал, скажем, ездил «по остаткам брянских лесов» [12, т. II, с. 232].

В Красном Роге В. С. Соловьёв создавал целый ряд философских трудов. В частности, летом 1879 года он работал над докторской диссертацией «Критика отвлечённых начал», а в мае 1881 г. написал труд «Когда был оставлен русский путь и как на него вернуться», посвящённый проблеме раскола, доказывая, что «раздвоение» народа и «уклонение» элиты к западным ценностям произошло при патриархе Никоне, а не при Петре Первом [9]. Летом 1883 года В. С. Соловьёв много работал над исследованием, посвящённым анализу историко-культурного противостояния Востока и Запада («Великий спор и христианская политика») [8]. Он писал И. С. Аксакову: «...принялся за продолжение “Великого спора”, думаю прислать Вам в начале июля» [12, т. II, с. 232].

Привязанность В. С. Соловьёва к Красному Рогу была обусловлена и его вниманием к личности А. К. Толстого. Разбирая архив покойного графа, философ читал обитателям Красного Рога его письма. Многие присутствующие отмечали в этот момент удивительное сходство мыслителя с покойным поэтом. В. С. Соловьёву были близки настроения поэзии А. К. Толстого, произведения которого оказали влияние на мировоззрение и стихи мыслителя. В Красном Роге В. С. Соловьёва посещала муза поэзии, он также переводил произведения Ф. Петрарки. Эти переводы тесно связаны со стихами самого В. С. Соловьёва о Небесной Софии и Вечной женственности. Философ дышал в поместье воздухом чистой поэзии, душевного изящества, его окружала «романтика сверхъестественного». Потустороннее сплеталось с земным, «предчувствия, предзнаменования, вещие сны, приметы, спиритические опыты, таинственные явления делали почти неуловимой грань между двумя мирами» [5, с. 578].

На мировоззрение философа во время его пребывания в Красном Роге влияло и пристрастие к спиритическим сеансам, организуемым хозяйкой усадьбы С. А. Толстой при участии С. П. Хитрово, а также находящихся в поместье гостей. Стремясь установить связь с инфернальным миром, В. С. Соловьёв пытался вызывать для общения дух покойного графа А. К. Толстого. Отмечается, что мыслитель «чуял в покойном хозяине замка глубокого мистика» [14, с. 112]. Мистические наклонности В. С. Соловьёва характеризует и то, что, останавливаясь в Красном Роге, он обычно ночевал именно в спальне А. К. Толстого, а также часто имел с собой трость с оленьими рогами, которая принадлежала раньше покойному графу (подарок философу С. А. Толстой). Значительное число работ В. С. Соловьёва прямо или косвенно связано с его мистическими переживаниями [3, с. 11].

Благоприятная эмоционально-психологическая атмосфера Красного Рога позитивно влияла на мировоззрение и творчество В. С. Соловьёва. Прежде всего, это касается стихотворений, написанных под воздействием чувства к С. П. Хитрово, которые при ином развитии событий и в ином месте не были бы созданы. В Красном Роге мыслитель испытывал творческий подъём и успешно работал и над философскими трудами. Приезд в поместье А. К. Толстого был связан для него с сильными эмоциями, личными переживаниями. Этот жизненный опыт прямо или косвенно подтверждал выстраданные мыслителем идеи о недостаточности разума для философского осмысления бытия, необходимости его критики и гармоничного соединения всех духовных качеств человека – разума, веры, любви (эмоций).

В заключение отметим, что жизнь людей, с одной стороны, обусловлена какими-то внешними, часто случайными объективными обстоятельствами. С другой стороны, любой человек (и философ тоже) при прочих равных условиях определяет именно те направления деятельности, возможность выбора которых основана на его мировоззренческих принципах и ценностных ориентирах. Свобода философа не абсолютна, а его как жизненный путь, так и направление реализации творческих возможностей не совсем случайны. Он разбивает в себе именно те мировоззренческие основания, которые заложены в процессе формирования его мировоззрения, а затем и философской системы. Конечно, не исключаются и экзистенциальные потрясения, ведущие к духовным озарениям. В этой связи, с одной стороны, не случайно, что увлечение инфернальным миром привело В. С. Соловьёва к попыткам найти земное осуществление божественного опыта, и полюбил он Софью Хитрово во многом под влиянием своего мистического опыта и учения о Софии Небесной. Именно благодаря рано сформировавшемуся философскому мировоззрению и одновременно некоторой присущей ему безалаберности в обыденной жизни В. С. Соловьёв привязался к С. А. Толстой и С. П. Хитрово, не только умным, но и имеющим сильный характер женщинам. Пристрастие мыслителя к месту их проживания (действительно прекрасному) носило, естественно, производный характер. С другой стороны, земной опыт В. С. Соловьёва также явно или неявно определил способы осмысления им опыта сверхъестественного, формы выражения ряда важных философских идей. Так, очевидно, что на теорию «Божественной Софии» повлияла его любовь к Софии Хитрово.

К середине 1870-х гг. мировоззрение В. С. Соловьёва в целом сложилось, и его ценностные установки и поведенческие принципы вытекали из приоритета духовно-теоретической активности личности. В. С. Соловьёв предстаёт как идеалист, религиозный мыслитель, скептически относящийся к примату «чистого разума». У него уже имеются глубокий интерес к сверхъестественному, тяга к мистическим откровениям и переживаниям. Однако именно годы перехода от молодости к зрелости (конец 1870 – начало 1880-х гг.) сыграли особую роль в формировании философской системы В. С. Соловьёва. В это время им были созданы многие работы, сформулированы важнейшие идеи. Вместе с тем личностно-мировоззренческое развитие мыслителя интенсивно шло не только в философско-теоретическом, но и в жизненно-практическом русле, под заметным воздействием структур повседневности, важнейшими из которых являлись его общение с близкими людьми, а также место их проживания. Поэтому содержание философско-мистического мировоззрения В. С. Соловьёва в заметной мере было определено его общением с графиней С. А. Толстой и длительной сердечной привязанностью к С. П. Хитрово.

Список литературы

1. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1971. 496 с.
2. Ельцова К. Е. Сны нездешние (к 25-летию кончины В. С. Соловьёва) // Современные записки: общественно-политический и литературный журнал. Париж, 1926. Т. XXVIII. С. 225-275.
3. Кравченко В. В. Вестники русского мистицизма. М.: Издатцентр, 1997. 300 с.
4. Лосев А. Ф. Вл. Соловьёв и его время. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
5. Мочульский К. В. Владимир Соловьёв: жизнь и учение // Соловьёв В. С.: *pro et contra* / сост., вступ. статья и примечания В. Ф. Бойкова. СПб.: РХГИ, 2000. С. 556-829.
6. Никифораки А. Иностранец о русском // Русское обозрение. 1901. № 1. С. 117-123.
7. Пасин В. С. Владимир Соловьёв в Красном Роге: очерк литературного краеведения. Брянск: Грани, 1994. 42 с.
8. Соловьёв В. С. Великий спор и христианская политика // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2-х т. / сост., подготовка текста и примечания Н. В. Котрелева и Е. Б. Рашковского. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 59-167.
9. Соловьёв В. С. Когда был оставлен русский путь и как на него вернуться (по поводу «Заметки о внутреннем состоянии России» К. С. Аксакова) // Наше наследие. 1988. № 2. С. 81-85.
10. Соловьёв В. С. «Неподвижно лишь солнце любви...». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Московский рабочий, 1990. 445 с.
11. Соловьёв В. С. О лирической поэзии: по поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Соловьёв В. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. СПб., 1911-1913. Т. 6. С. 234-260.
12. Соловьёв В. С. Письма Владимира Сергеевича Соловьёва. СПб., 1908-1923. Т. II. 375 с.; Т. III. 349 с.
13. Соловьёв В. С. Три силы // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2-х т. / сост., подготовка текста и примечания Н. В. Котрелева и Е. Б. Рашковского. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 19-31.
14. Соловьёв С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва. Брюссель, 1977. 434 с.
15. Толстой Л. Н., Страхов Н. Н. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым: 1870-1894. СПб., 1914. 478 с.
16. Трубецкой Е. Н. Личность В. С. Соловьёва // О В. Соловьёве. М.: Типография Императорского Московского ун-та, 1911. Сборник первый. С. 97-112.
17. Чулков Г. И. Автоматические записи Вл. Соловьёва / предисловие и публикация М. В. Михайловой // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 121-132.

**WORLDVIEW, CREATIVITY OF PHILOSOPHER AND EVERYDAY LIFE
(BY THE EXAMPLE OF RELATIONSHIPS OF V. S. SOLOV'EV WITH S. P. KHITROVO AND S. A. TOLSTAYA,
HIS STAY IN KRASNYI ROG)**

Vladimir Dmitrievich Emel'yanenko, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
Bryansk State University named after the academician I. G. Petrovskii
emelyanenko_@mail.ru

The author reveals the correlation of the worldview, philosophical creativity and the structures of everyday life by the example of V. S. Solov'ev's creativity, shows that the worldview is the starting point both in determining the direction of a thinker's creative self-realization and choosing his behaviour strategy in everyday life, and tells that at the same time the structures of everyday life (interpersonal relations, the place of residence) influence a thinker's creativity indirectly through the changes in his worldview.

Key words and phrases: worldview; spiritual-theoretical activity; philosophical worldview; philosophical worldview of V. S. Solov'ev; theory of "Divine Sophia"; mysticism.

УДК 7

Искусствоведение

Статья посвящена символике и условности в искусстве Пекинской оперы, без которых невозможно понимание эстетики китайского театра, что является важным моментом в современной ситуации диалога культур. В статье впервые представлены значения некоторых символов Пекинской оперы. Символическая условность Пекинской оперы складывалась в течение нескольких веков и стала простой, понятной и естественной для зрителя. Символика пронизывает весь спектакль Пекинской оперы – от костюмов, отражающих статус и общественное положение героев, до жестов, обозначающих действия персонажей.

Ключевые слова и фразы: Пекинская опера; символика; условность; костюм Пекинской оперы; маска Пекинской оперы.

Жуань Юн Чэнь

*Кафедра музыкального театра
Российский университет театрального искусства (ГИТИС)
china-kino@mail.ru*

СИМВОЛИКА И УСЛОВНОСТЬ В ИСКУССТВЕ ПЕКИНСКОЙ ОПЕРЫ©

Символизм является неотъемлемой составляющей спектакля Пекинской оперы. Однако работ, посвященных условности в китайском театре, довольно мало не только в России, но и в Китае. Среди русских авторов, затрагивавших проблему символизма в китайском театральном искусстве, были С. А. Серова, М. Гайда, также на русском языке вышла книга китайского исследователя Пекинской оперы Сюй Ченбэя.

В современной ситуации, когда ведется активный диалог культур, необходимость изучать театральное искусство разных стран возрастает. Современные режиссеры все чаще обращаются к китайскому театру в своих творческих поисках. Понимание эстетики китайского театра, и особенно Пекинской оперы, невозможно без понимания его символики и условности.

Новизна настоящей работы заключается в том, что здесь прослеживаются исторические закономерности развития цветовой условности, а также рассматриваются значение и происхождение некоторых символов, принятых в Пекинской опере.

Символика пронизывает весь спектакль Пекинской оперы. Как в литературном произведении характер персонажа вырисовывается из его отношений с другими персонажами и поведения в различных ситуациях, так в спектакле Пекинской оперы образ героя складывается из многих условностей, которыми наполнен этот вид театрального искусства.

«Символикой пронизано все – от костюмов, отражающих статус и общественное положение, до жестов, обозначающих то или иное действие персонажа» [9, с. 32]. Различение амплуа по костюмам позволяет зрителю догадываться о характере героя с первого взгляда и, не отвлекаясь на разгадывание персонажа, сконцентрироваться на исполнительском искусстве. Именно поэтому актеру так важно «попасть в костюм». Неточности с подбором костюма могут ввести в заблуждение проницательного знатока Пекинской оперы и испортить все наслаждение от любования спектаклем.

В костюме важно все – от покроя до орнамента. Рисунок на костюме персонажа – цветы, рыбы, птицы, животные, мифические существа – всегда несет определенный смысл, как и любое творчество. Этот рисунок обязательно зависит от характера персонажа и сюжета, поэтому символика рисунков и орнаментов разнообразна.